

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).066

МАЛОИЗУЧЕННЫЕ ДВОРЯНСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О «ПУГАЧЁВЩИНЕ»: «ЖУРНАЛ ИЗ ДОМАШНИХ ЗАПИСОК»

С. С. Кочережко

Самарский государственный экономический университет
E-mail: cckoch@list.ru

Статья посвящена анализу «Журнала из домашних записок» – неопубликованного и слабо-введённого в научный оборот источника мемуарного характера об осаде участниками восстания 1773–1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачёва Оренбурга. Целью статьи является анализ источника не с фактографической стороны, а с точки зрения социальной психологии его автора. Реконструируется восприятие автором источника образа участников восстания, а также трактовки характера «бунта», его социальной базы и причин. Автор выделяет классификацию дворянских подходов к трактовке Пугачёвского восстания.

Ключевые слова: восстание Е. И. Пугачёва, восстание 1773–1775 гг., «пугачёвщина», российское дворянство, восприятие, представление, причины, мемуары, социальная психология.

Insufficiently Explored Memoirs of the Nobles about Pugachevshina: «Home Notes Journal...»

S. S. Kocherezhko

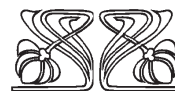
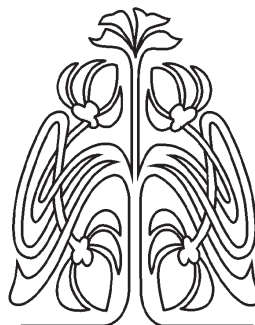
The article analyses «Home Notes Journal» – a source of a memoir type, unpublished and insufficiently explored dealing with the siege of Orenburg during Pugachev's Rebellion of 1773–1775. The purpose of this article is to examine the source from the author's social psychology not from its actual side. The work aims to reconstruct the author's perception of the rebels, his interpretation of the nature of the historical event, its social basis and its causes. The author highlights the classification of the nobles' approaches to the interpretation of Pugachev revolt.

Key words: Pugachev's revolt, revolt 1773–1775, «pugachovshina», Russian nobility, perception, representation, reasons, memoirs, social psychology.

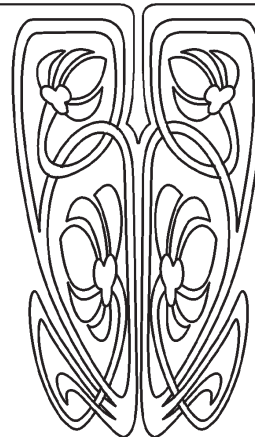
Восстание 1773–1775 гг. можно назвать одним из самых изученных сюжетов отечественной истории. Опубликована масса документов, связанных с «пугачёвщиной», однако ещё остаются источники, обойдённые вниманием историков.

Один из них хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург) и кратко называется «Журнал из домашних записок»¹. Документ сохранился в двух списках, хранящихся в разных фондах. В фонде «Оленины» хранится наиболее древний список, который относится к концу XVIII в. и представляет собой сложенные вдвое и прошитые нитью листы формата А3². Второй список был создан в XIX в. и переплетён в виде книжечки небольшого формата в тёмно-красной обложке; он хранится в фонде «Основное собрание рукописной книги»³. Между текстами двух списков есть несколько несущественных отличий. Ссылки в тексте статьи будут даваться по списку XVIII в.

«Журнал» написан неизвестным лицом, но по содержащимся в нём сведениям можно сделать некоторые выводы о его авторе. Во-первых, это был дворянин, поскольку текст выдержан в стиле, характерном для других подобных дворянских произведений: в «Журнале» представлен характерный для находящегося на военной службе дворянина взгляд на Пугачёвское восстание. Во-вторых, автор находился на службе в

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Оренбурге в 1773–1774 гг. и пережил осаду крепости пугачёвцами.

Одно из мест в тексте позволяет предположительно датировать этот документ. Автор сообщает, что Пугачёв появился «прошлого года сентября 18 числа», а «ныне» после сдачи его казаками привезён «во оковах посаженный в клетку» к последнему руководителю карательных отрядов графу П. И. Панину, находящемуся в Симбирске⁴. Следовательно, первоначальный текст «Журнала из домашних записок» был создан между 18 сентября и 26 октября 1774 г.⁵ Таким образом, в отличие от большинства других упоминающих восстание 1773–1775 гг. мемуарных источников, созданных спустя годы после него, «Журнал из домашних записок» содержит не пересмотренные со временем оценки «пугачёвщины», а в полном смысле современные ей.

Основное содержание «Журнала» составляет описание событий, связанных с осадой Оренбурга отрядами Пугачёва. Также автор кратко касается проблемы происхождения восстания и в нескольких абзацах повествует о некоторых событиях после снятия осады с Оренбурга.

«Журнал из домашних записок» нигде не был опубликован и почти никогда не использовался историками. Нет сведений об использовании этого источника А. С. Пушкиным⁶. Пожалуй, впервые «Журнал из домашних записок» упомянут при перечислении источников о Пугачёвском восстании у В. В. Мавродина⁷. Он использовался Р. В. Овчинниковым и Л. Н. Большаковым при составлении нескольких статей оренбургской энциклопедии. Источник кратко упоминает японский исследователь К. Тоёкава в книге об оренбургском казачестве⁸. Поэтому следует признать этот источник недостаточно введённым в научный оборот. Объясняется это не только его труднодоступностью, но и тем, что в фактографическом плане он значительно беднее, чем другие подобные ему источники об оренбургской осаде (к примеру, обширная «Летопись Рычкова»⁹). А поскольку подавляющее большинство исследований «пугачёвщины» касались фактографии, «Журнал» почти не использовался как не содержащий принципиально новых сведений о ходе осады Оренбурга.

Большой потенциал «Журнал из домашних записок» имеет как источник не по фактографической стороне «пугачёвщины», а как источник по социальной психологии дворянства, в котором за множеством фактов можно реконструировать восприятие «пугачёвского бунта» его автором. В таком качестве «Журнал» ещё ни разу не анализировался. Целями данного исследования являются:

– изучение трактовки автора «Журнала из домашних записок» наиболее важных аспектов восстания 1773–1775 гг.;

– определение, к какой из трёх типичных дворянских трактовок характера «пугачёвщины» можно отнести позицию автора этого источника.

Подбором фактов и формулировок автор «Журнала из домашних записок» рисует самый негативный образ восставших и Е. И. Пугачёва. Неслучайно автор называет Бердскую слободу, которая была местом расположения лагеря Е. И. Пугачёва в период осады Оренбурга, «зменным гнездом»¹⁰. «Возмутителю» Пугачёву и восставшим в целом, согласно позиции автора, присущи следующие черты:

– злодейство. Чаще всего бунтовщики именуются «злодеями»¹¹. Для автора бунтовщики не несут ничего, кроме зла и горя для «честных людей»;

– отдалённость от общества и противопоставленность ему: Пугачёв называется «извергом от рода человеческого»¹², восставшие иногда называются проклятыми;

– антигосударственная деятельность. Пугачёв – «возмутитель» и «самозванец»¹³, он и восставшие названы «врагами отечеству»¹⁴. Отечество и государство отождествлялись с законно действующей властью во главе с императрицей Екатериной II, поэтому выступать против них – выступать против отечества;

– богоотступничество. В дворянской социальной психологии XVIII в. отечество и православие были неразделимы. Причём «истинное» православие в дворянском сознании противопоставлялось якобы неизменно характерному для бунтовщиков раскольничеству. Автор характеризует Пугачёва как «богоотступника» и «против церкви православной презлого раскольника», ведь именно по «наущению дьявольскому» он «вздумал... принять на себя светотапки имя покойного императора Петра третьего»¹⁵. Называя восставших «ненавистниками православия»¹⁶, автор часто описывает их неподобающее поведение в церквях. Так, у яицких казаков «находили под сёдлами вместо намёток писанный на холсту один образ распятия господня, а другой ангелской»¹⁷. Поэтому подавление восстания воспринимается автором «Журнала» как богоугодное дело, совершаемое с помощью «десницы всевышнего»¹⁸. Однако автор не использует трактовку восстания как божью кару, что было характерно для ряда дворян¹⁹;

– «варварство»²⁰, понимаемое в дворянском сознании как некая азиатская жестокость. «Злодеи по обыкновению азиатскому убитых на месте не оставляли»²¹, то есть «умерщвлённых тела погребать не велели, а оставляли поверх земли на съедение зверям и птицам»²²;

– склонность к пьянству и «гуляньям». Автор описывает «смеху достойное похождение Емелки Пугачёва» – его свадьбу с «Устошкой»²³, военные неудачи пугачёвцев из-за того, что они «все были пьяны и спали»²⁴. Связывание пьянства с бунтарством было характерно не только для автора «Журнала», но и для других дворян. К примеру, для предотвращения перехода жителей Оренбурга на сторону восстания по распоряже-

нию губернатора Рейнсдорпа «до приходу ещё злодеев питейные дома были заперты и продажи вина никому не было»²⁵.

Дворянские представления о характере восстания 1773–1775 гг. складываются из понимания его социальной базы, причин, мотивов перехода групп населения на сторону бунтовщиков, целей восставших, наиболее пострадавших социальных групп, а также количества социальных конфликтов, проявившихся в восстании.

1. Понимание социальной базы восстания.

Автор называет следующие слои населения и особенности их участия в восстании (перечислены по количеству упоминаний):

- 1) на первом месте – яицкое казачество («казачишки»²⁶);
- 2) на втором месте – «инородцы», среди которых автор называл чаще всего башкир и каргалинских татар, реже – ставропольских калмыков;
- 3) на третьем месте – солдаты крепостных гарнизонов;
- 4) по разу упомянуты «бродяги», «ссылные», «беглые» и «каторжные»;
- 5) один раз упомянуты «заводские мужики», действия которых координировал Хлопуша.

В качестве потенциальной социальной базы упомянуты польские «конфедераты» в Оренбурге, случаи волнения которых во время «пугачёвщины», действительно, известны²⁷.

В понимании автором «Журнала» социальной базы следует выделить несколько особенностей. Во-первых, автор указывает, что если казаки и «инородцы» в основной массе добровольно переходили на сторону Пугачёва, то гарнизонных солдат бунтовщики переводили на свою сторону силой и угрозами смерти. Во-вторых, автор исходит из того, что не все представители казачества и «инородцев» перешли в подчинение Пугачёва: в составе обеих этих групп оставались «верные», которые вступали в столкновения с «взбунтовавшимися». В-третьих, с точки зрения автора «Журнала», основную силу бунтовщиков составило казачество, а крестьяне вообще ни разу прямо не названы в качестве участников восстания. Лишь две фразы можно трактовать как косвенное упоминание крестьянства в рядах пугачёвцев: «подлой народ»²⁸ и «с приумножением паки много народного сонмища»²⁹.

2. Трактовка причин восстания. Из всей массы дворян, писавших о Пугачёвском восстании, лишь ничтожная часть задавалась вопросом его происхождения. Среди них выделяются две трактовки причин: первая сводила их исключительно к казацкому вопросу, вторая исходила из признания более глубоких корней народного недовольства. Таковыми обычно называлось взяточничество чиновников и несправедливое судопроизводство на местах, но ни одним дворянином крепостное право не было признано в качестве причины восстания³⁰. Позиция автора «Журнала из домашних записок» относится к

первому подходу: для него причины «пугачёвщины» сводятся исключительно к яицким казакам. Яицкие казаки по внутреннему «свойству» являлись «разбойниками», то есть не только имели склонность «к смертно убийству», но и «к своевольству весьма склонны». Такие внутренние качества яицкие казаки приобрели по двум причинам: во-первых, из-за своего происхождения в основном «из числа беглых донских казаков», во-вторых, распространением раскольничьей веры среди казаков³¹.

3. Мотивы перехода населения на сторону восстания. Текст «Журнала» позволяет реконструировать авторское понимание мотивации только двух слоёв – казачества и «подлого народа» (под которым автор мог понимать как жителей городов, так и крестьян):

1) по указанию автора, в самом начале восстания, когда ещё до похода на Яицкий городок к Пугачёву стекались «подобные ему из бегов и жившие на хуторах» (очевидно, имеются в виду казаки), «некоторые неведением от простодушия, а большая часть ведавши его неистовство, но со обнадеживанием в своих злейших предприятиях начали склоняться и называть его, Пугачёва, высоким именем»³². Таким образом, наибольшая часть казаков сознательно приняла сторону Пугачёва, зная о его самозванстве, с целью грабежа;

2) в «Журнале» называется три мотива перехода «подлого народа» на сторону пугачёвцев. Во-первых, из-за безрассудства и легкомысленности («подлой народ к злодею самозванцу клонится безразсудно»), в том числе и из-за веры в то, что Пугачёв – настоящий Пётр III. Второй мотив перехода простонародья на сторону бунтовщиков автор описывает словами «страха ради», то есть по принуждению обстоятельствами. Наконец, третий мотив – отклик простонародья на призывы Пугачёва и его обещания. Пугачёв «в народ разсылал, что он всех жалует морями, полями, лугами, свинцом и порохом, а наконец крестом и бороною, почему ляхкомыслянной, а паче злаковарной народ к нему злодею приклонился»³³. Однако следует учесть, что приведённая цитата относится к населению оренбургского края, поэтому не очень понятно, какую социальную группу в первую очередь имеет в виду автор – казачество, крестьян или жителей городов.

4. Наиболее пострадавшие от восстания социальные слои. Автор «Журнала из домашних записок» выделяет три группы населения, страдавшие от действий восставших:

1) наиболее пострадали от восстания дворяне, которые находились на государственной службе – коменданты крепостей, руководители правительственных отрядов и офицеры, а также те дворяне, в отношении которых автор применяет слово «чиновные». Автор описывает казни комендантов «и всех офицеров» захваченных крепостей³⁴. Для акцентирования «варварской» жестокости восставших автор «Журнала» при-

водит примеры пленения «в невольницы» или «наложницы»³⁵ и затем убийств жён и дочерей служилых дворян.

Следует выделить несколько особенностей восприятия автором расправ пугачёвцев с дворянами:

– во-первых, расправлялись с ними не крестьяне, а группа, составлявшая основу восставших, – казачество;

– во-вторых, автор приводит случаи расправ только со служилыми дворянами, но не с помещиками. Конечно, убитые дворяне были помещиками, но в авторской трактовке их убивали не за владение крепостными, а только за то, что они занимали посты в местных органах власти.

Только один раз автор указывает на то, что пострадало дворянство в целом. Ведя речь о взятии Пугачёвым Казани и последующих событиях, автор пишет: «Но затем не остается уже более описывать, сколько благородных фамилий от бунтующих врагов отечеству погибло, о том каждому известно, что злодеи разорили Алатырь, Пензу, Саратов и прочие места»³⁶.

Таким образом, автор выделяет не конфликт «крестьяне – помещики», а конфликт «восставшие – представители местной власти»;

2) на втором месте по степени, в которой группа пострадала от бунтовщиков, было духовенство;

3) наконец, третьей группой было население местностей, которое отказывалось признать власть пугачёвцев и оказывало им сопротивление. Автор «Журнала» указывает, что в случае сопротивления какой-либо территории Пугачёв «всякаго звания привезённых к нему из разных жительство честных людей, некоторых при том посланных из города, вешал и пятерил»³⁷. При этом крепостям и районам, от которых «никакого противления не было», Пугачёв «не вредил».

5. Таким образом, автор «Журнала» выделяет **три социальных конфликта, проявившихся в «пугачёвщине»**: восставшие против представителей местных властей, восставшие против всех сопротивляющихся им, а также косвенно выделяется конфликт «иностранцев» против русских. При этом социальный конфликт «крестьяне – помещики» не выделяется автором.

Изучение дворянской мемуаристики и эпистолярных источников позволило выделить три подхода к определению характера «пугачёвщины»:

1) «панорамный» («широкий») подход: восприятие восстания как общенационального бедствия, в котором проявился не один, а несколько социальных конфликтов, широкое и динамичное понимание социальной базы «бунта». Такой подход был характерен для дворянской элиты, занимавшей высшие государственные должности (к примеру, граф П. И. Панин);

2) узкий помещичий подход: восстание воспринималось как в первую очередь конфликт

крестьян и помещиков, при этом в качестве основной или даже единственной социальной базы движение называлось крестьянство, наиболее пострадавшей группой были дворяне-помещики. Такой подход представлен помещиками, столкнувшимися с восстанием или жившими в приграничных с бунтом районах: А. Т. Болотов, Д. Б. Мертваго и другие;

3) узкий военно-служилый подход: восстание воспринималось в первую очередь как конфликт бунтовщиков с представителями местной власти, которую олицетворяли служилые дворяне. Поэтому крестьяне либо вовсе не назывались в списке социальной базы восстания, либо они не воспринимались как основная сила пугачёвцев, а крестьянско-помещичий конфликт не упомянут вовсе, или является второстепенным.

Анализ «Журнала из домашних записок» позволяет считать его автора типичным представителем узкого дворянского военно-служилого подхода:

– крестьяне названы социальной базой всего два раза, и то не прямо, а косвенно, тогда как основной силой восстания, по мнению автора, выступило казачество;

– всего один раз автор указал на расправы с дворянством из-за ненависти восставших к дворянам (а не из-за того, что восставшие выступили против дворян только как представителей власти);

– описаны расправы не крестьян с помещиками, а восставших (основу которых представляли казаки) с комендантами крепостей, офицерами и «чиновными», т. е. основной социальный конфликт восстания – восставшие против представителей законной власти;

– среди мотивов перехода «подлого народа» на сторону восстания не указана ненависть к помещикам и стремление им отомстить и разграбить их имения.

Дворянское понимание восстания определялось в основном родом занятий дворянина (военная служба или ведение хозяйства поместья) и тем, о каких событиях восстания он знал.

Примечания

- ¹ Полное название документа: «Журнал (без дат и подписей) из домашних записок сколько можно к сведению слышать, а по большей части самолично видеть варварения и безбожные действия и предприятия злейшего врага и изверга от рода человеческого беглого донского казака Емельки Пугачёва с его единомышленниками ящскими казаками» (далее – Журнал из домашних записок).
- ² Журнал из домашних записок // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 542. № 659. Л. 1–16 об.
- ³ Там же. Ф. 550. QIV-31. Л. 1–19 об.
- ⁴ Там же. Ф. 542. № 659. Л. 16.

- ⁵ Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачёвым и его сподвижниками. М., 1995. С. 87.
- ⁶ Блок Г. Пушкин в работе над историческими источниками. М.; Л., 1949; Каталог архивных документов и соответствующих им текстов Пушкина в «Архивных тетрадах» и в «Истории Пугачёва» // Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачёва»). Л., 1969. С. 190–265; Овчинников Р. В. За пушкинской строкой. Челябинск, 1998; Оксман Ю. Г. Пушкин в работе над «Историей Пугачёва» и повестью «Капитанская дочка» // Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Исследования и материалы. Саратов, 1959. С. 5–133.
- ⁷ Мавродин В. В. Восстание Е. И. Пугачёва в общественно-политической мысли, исторической науке и художественной литературе эпохи феодализма // Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачёва : в 3 т. Т. I. Л., 1961. С. 15. См. также: Там же. Т. III. Л., 1970. С. 32, 33.
- ⁸ Тоёкава К. Оренбург и оренбургское казачество во время восстания Пугачёва 1773–1774 гг. М., 1996. С. 134, 224.
- ⁹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 17 т. Т. 9, кн. 1. М., 1995. С. 206–355.
- ¹⁰ Журнал из домашних записок... // ОР РНБ. Ф. 542. № 659. Л. 5 об.
- ¹¹ Там же. Л. 2, 2 об., 13.
- ¹² Там же. Л. 1, 4.
- ¹³ Там же. Л. 15 об., 16.
- ¹⁴ Там же. Л. 9, 16.
- ¹⁵ Там же. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Л. 9 (об).
- ¹⁷ Там же. Л. 6 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 16.
- ¹⁹ См., к примеру: Каниц Ю. фон. Слово в публичном собрании при казанских гимназиях, говоренное в 1775 г. М., 1775; Письмо Макарова Н. Ф. Макарову С. Ф. от 21 августа 1774 г. // Русская старина. 1890. Т. LXV. Февраль. С. 581; Поспелов А. Е. Записки о Пугачёвщине // Вестник Европы. 1870. Т. 3, кн. 6. С. 621.
- ²⁰ Журнал из домашних записок... // ОР РНБ. Ф. 542. № 659. Л. 15 об.
- ²¹ Там же. Л. 5.
- ²² Там же. Л. 4.
- ²³ Там же. Л. 13.
- ²⁴ Там же. Л. 8.
- ²⁵ Там же. Л. 3 об.
- ²⁶ Там же. Л. 4 об.
- ²⁷ Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачёва : в 3 т. Т. II. Л., 1966. С. 186–187; Тоёкава К. Указ. соч. С. 178–179.
- ²⁸ Журнал из домашних записок... // ОР РНБ. Ф. 542. № 659. Л. 2 об. – 3.
- ²⁹ Там же. Л. 15 об.
- ³⁰ Подробнее о дворянском восприятии причин пугачёвского восстания см.: Буганов В. И. Пугачёв. М., 1984. С. 196, 366, 370–371; Кочережко С. С. Представления о причинах Пугачёвского восстания 1773–1775 гг. в контексте социальной психологии российского дворянства последней трети XVIII – начала XIX в. // Вестн. Самар. гос. экон. ун-та. 2013. № 6. С. 159–165; Мавродин В. В. Указ. соч. С. 8–24; Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999. С. 227–229; Смирнов Ю. Н. Заволжский очаг и район восстания 1773–1775 годов // Поволжье – «внутренняя окраина» России : государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.). Самара, 2007. С. 154–155.
- ³¹ Журнал из домашних записок... // ОР РНБ. Ф. 542. № 659. Л. 1.
- ³² Там же. Л. 1–1 об.
- ³³ Там же. Л. 4 об.
- ³⁴ Там же. Л. 2, 7 об., 15 об.
- ³⁵ Там же. Л. 2.
- ³⁶ Там же. Л. 16.
- ³⁷ Там же. Л. 4.

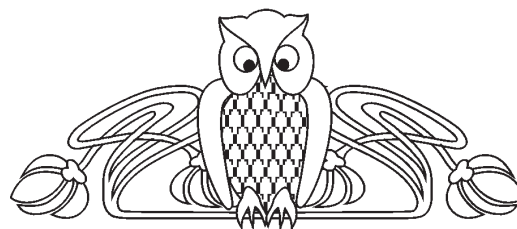
УДК 94/47

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ХЛЕБНОЙ ТОРГОВЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

П. С. Кабытов

Самарский государственный университет
E-mail: donkabytov2012@yandex.ru

В статье анализируются работы уфимского историка М. И. Роднова, в которых исследуются пространство регионального хлебного рынка и механизм хлебной торговли в Уфимской губернии. Показана степень новизны концептуальных построений историка, освещающего большой комплекс вопросов, связанных как с анализом историографии проблемы, так и с изучением степени достоверности комплекса документальных источников различно-

го происхождения, в том числе официальной и земской статистики, периодической печати, транспортной статистики и других материалов. Выявлен вклад историка в изучение механизма функционирования хлебного рынка, роли транспортной инфраструктуры и различных слоев и представителей предпринимательского социума.

Ключевые слова: аграрная историография, модернизационные процессы, хлебный рынок, статистические источники, предпринимательский социум, речной транспорт, железные и сухопутные дороги.